Изъ замѣтокъ ветерана.

1.

Сергѣй Гавриловичъ Веселитскій.

Въ 1850 г. я состоялъ въ бригадѣ генер.-маіора Сергѣя Гавриловича Веселитскаго,[1]) съ которымъ былъ въ самыхъ пріязненныхъ отношеніяхъ. Разъ, бесѣдуя со мною о служебныхъ дѣлахъ, онъ говоритъ мнѣ:

— «Что это, братъ Н. М., въ полкахъ такъ много больныхъ?»

— А вы (говорю) полюбопытствуйте взглянуть, какимъ насъ хлѣбомъ кормятъ...

На другой же день, во время обѣда нижнихъ чиновъ, Веселитскій посѣтилъ кухни: хлѣбъ оказался сырой...

— «Ты самъ виноватъ; худо смотришь! хлѣбъ никуда не годится».

— И не будетъ лучше, отвѣчалъ я.

— «Это почему?»

— Въ мукѣ есть подмѣсь золы.

Желая убѣдиться въ справедливости моихъ словъ, Веселитскій тотчасъ, тутъ же на кухнѣ, приказалъ испечь хлѣбъ,—и вышла сырая лепешка. Взялъ онъ ее съ собою и поѣхалъ къ корпусному командиру Панютину; тотъ доложилъ кн. Паскевичу. Казалось бы, что и дѣло съ концомъ; впрочемъ, дѣло, точно, было кончено, да только такъ, что и волки были сыты и овцы цѣлы. Черезъ нѣсколько дней послѣ доклада Панютина, кн. Паскевичъ нарядилъ коммиссію для освидѣтельствованія провіанта, состоявшаго изъ нѣсколькихъ тысячъ четвертей застрахованнаго хлѣба. Коммиссія не торопилась приступить къ дѣлу, а во время этой проволочки хлѣбные амбары, волею Божіею, погорѣли. Коммиссія, прибывъ на мѣсто, находитъ, вмѣсто муки съ золой, груды чистой золы да уголья. Крупа, хранившаяся въ другомъ складѣ, оказалась до-

---

[1]) Сынъ одного изъ героевъ XII г.—генер.-лейтенанта Гавріила Петровича Веселитскаго (род. 10-го іюля 1774, † 30-го сентября 1829 г.). Ред.

брокачественною и къ употребленію годною... Такимъ образомъ, концы были схоронены, если не въ воду, то въ огонь, виноватые сухи изъ воды вышли. Кн. Паскевичъ прогнѣвался на Веселитскаго, но, чтобы скрыть и замаскировать свое неудовольствіе, оказывалъ ему ласку и внимательность; въ своей колясkѣ неоднократно разъѣзжалъ съ нимъ по городу, а черезъ нѣсколько недѣль Веселитскій былъ принужденъ подать въ отставку. Кн. Горчаковъ, знавшій его лично, пригласилъ его на службу, и во время крымской кампаніи Веселитскій, въ чинѣ генералъ-лейтенанта, командовалъ дивизіей.

Съ тѣмъ же солдатскимъ хлѣбомъ была еще и другая продѣлка, не хуже вышеприведенной.

Покойный государь императоръ Николай Павловичъ любилъ кушать ржаной солдатскій хлѣбъ и часто имъ лакомился. Прибылъ онъ съ августѣйшею фамиліею въ Лазенковскій дворецъ. Для содержанія карауловъ наряжена была цѣлая рота и пришлось мнѣ быть дежурнымъ. Пробили вечернюю зорю; Государь ужиналъ и потребовалъ чернаго хлѣба. На гауптвахту прибѣжалъ камеръ-лакей. «За хлѣбомъ», говоритъ, «въ госпиталь забыли послать; нѣтъ-ли у караульныхъ?» Стали искать по мѣшкамъ у солдатъ, нашли, да только неловко было подать на царскій столъ,—до того былъ плохъ. Ротный командиръ капитанъ Васильевъ и офицеры сказали-было камеръ-лакею, чтобы онъ доложилъ государю: «солдаты-де весь хлѣбъ поѣли», но я вмѣшался:

— «Не смѣю обманывать государя... Пусть онъ видитъ, какъ его обманываютъ».

Камеръ-лакей отнесъ хлѣбъ къ Государю. Отвѣдавъ его и полагая, что онъ изъ госпиталя, императоръ на другой же день, ѣдучи въ Варшаву, внезапно прибылъ въ госпиталь и какъ разъ во время обѣда больныхъ. Тогда военное хозяйство, что въ полкахъ, что въ госпиталяхъ, обыкновенно оказывалось «въ отличномъ порядкѣ» лишь тогда, когда недѣли за двѣ получали увѣдомленія о посѣщеніи государя, или высшаго начальства... Тутъ государь явился нежданно негадано и, по пословицѣ: досталось всѣмъ сестрамъ по серьгамъ.

Интендантъ былъ сослуживецъ кн. Паскевича по Кавказу. Намѣстникъ по докладу Веселитскаго, подвергъ его кабинетному взысканію... «Видно есть пушокъ на рыльцѣ», сказалъ по этому поводу честнѣйшій Веселитскій.

2.

П. Г. Каховскій.

Въ 1816 г., въ л.-г. егерскій полкъ опредѣлился юнкеромъ Петръ Григорьевичъ Каховскій, родомъ небогатый дворянинъ Смоленской губерніи. По просьбѣ его родныхъ, командиръ 1-го баталіона, полковникъ Свѣчинъ, пріютилъ Каховскаго у себя на квартирѣ, въ одномъ изъ нумеровъ дома Гарновскаго. Я помѣщался съ Каховскимъ въ одной комнатѣ, скромно меблированной. Это было въ великомъ посту. Тогда, къ Свѣтлому празднику, гвардейскіе офицеры, имѣвшіе, по большой части, собственные экипажи, заказывали себѣ новые, покупали лошадей, сбруи.. И къ полковнику Свѣчину пришелъ каретникъ, высокій мужчина, брюнетъ, съ живыми черными глазами. Помню, какъ теперь, когда онъ, не заставъ полковника дома, вошелъ въ нашу комнату; мы съ Каховскимъ лежали на своихъ кроватяхъ: онъ читалъ книгу, я, тоже тогда юнкеръ, готовилъ урокъ къ завтрашнему дню; было тутъ еще два-три человѣка

постороннихъ. Каретникъ стоялъ нѣсколько времени недвижно, всматриваясь попеременно, то въ меня, то въ Каховскаго, и вдругъ произнесъ:

— «Вотъ что я вамъ скажу: одинъ изъ васъ будетъ повѣшенъ, другой—пойдетъ своей дорогою».

Мы улыбнулись, не обративъ на это предсказаніе никакого вниманія. Однако же оно, въ отношеніи Каховскаго, черезъ десять лѣтъ вполнѣ оправдалось. Въ томъ же 1816 г., Каховскій, за какую-то шалость разжалованный въ рядовые, былъ сосланъ на Кавказъ въ линейные батальоны. По протекціи былъ переведенъ въ кавалерійскій полкъ; въ двадцатыхъ годахъ дослужился до поручика, принималъ дѣятельное участіе въ событіи 14-го декабря, и 13-го іюля 1826 г. подвергся участи, предсказанной ему каретникомъ.

Ковно.

Сообщ. **Н. М. Новицкій.**